

УДК 297.37(470.621) «19»
ББК 86.38.:74(2Рос.Ады)
Е – 605

Емтыль Зарема Январбиевна кандидат исторических наук, доцен кафедры истории и социальных коммуникаций Кубанского государственного технологического университета, т.: 89184302555, e-mail: adg1070@gmail.com

РАЗВИТИЕ МУСУЛЬМАНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ У АДЫГОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА. (К ИСТОРИИ МУСУЛЬМАНСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ)

В статье анализируется деятельность духовной интеллигенции по развитию мусульманского образования у адыгов в первой трети XX в. Выявляются ее содержание, направленность и динамика развития под влиянием менявшейся общественно-политической и социокультурной обстановки.

Ключевые слова: джадидизм, прогрессивное (новое) духовенство, консервативное (старое) духовенство, медресе, новометодное медресе, закят.

Emtyl Zarema Yanvarbievna, Candidate of History, associate professor of the Department of History and Social Communications of the Kuban State Technological University, tel.: 89184302555, e-mail: adg1070@gmail.com

DEVELOPMENT OF MUSLIM EDUCATION IN ADYGHEA IN HISTORICAL DYNAMICS OF THE FIRST THIRD OF THE XX CENTURY (A history of the Muslim Intellectuals)

The article examines the activities of spiritual intellectuals in the development of Muslim education in the Circassians in the first third of the twentieth century. Its contents, direction and dynamics of development under the influence of changing socio-political and socio-cultural environment have been identified.

Keywords: Jadidism, progressive (new) clergy, conservative (old) clergy, madrassas, zakat.

Исследование процессов происходивших в развитии мусульманской системы образования в первой трети XX в. представляет особое научное значение. Оно отражает с одной стороны важные явления, связанные с ростом национального самосознания адыгов и стремления реализовать идеи «исламского возрождения», а с другой стороны, позволяет понять истоки важных социокультурных изменений, произошедших у адыгов в новейшей истории.

В начале XX в. основными образовательными учреждениями, в которых обучались адыги, являлись мусульманские школы. В них, как правило, по турецкой схоластической методике преподавались арабский язык, арабская грамота и Коран. Качество образования в сельских медресе было в основной массе низким.

Преподаватели большинства духовных школ образовательного ценза не имели[1]. К концу срока обучения мало кто из учащихся школ-медресе мог прилично читать и переводить Коран[2].

К началу XXв. происходят важные изменения в сфере конфессионального образования адыгов. Они были связаны с распространением идей джадидизма – передового течения исламского просвещения. В области образования джадидизм выразился в попытке реформирования начальных духовных школ на основе сочетания светских и религиозных предметов и перевода процесса обучения на родной язык. Из среды духовенства выделился слой нового (прогрессивного) духовенства.

Основу прогрессивного духовенства составила мусульманская интеллигенция, получившая университетское образование в Каирском университете Аль-Азхар, Османском университете в Стамбуле, средних учебных заведениях Крыма, Уфы, Казани и Дагестана и увлеченная идеями, характерными для передовой общественной мысли мусульманского мира.

Главным делом прогрессивно настроенное духовенство считало национальное возрождение, культурное развитие народа: разработку национального языка, организацию процесса обучения на родном языке, введение в программу духовных учебных заведений светских предметов (географии, арифметики и даже физкультуры). Оно стало инициатором важных изменений в организации процесса обучения в адыгских мусульманских школах, основным содержанием которых являлось стремление превратить школы-медресе в национальные школы с преподаванием на родном языке.

Проникновение новых тенденций в мусульманские учебные заведения наталкивалось на непонимание, а порой и открытое противостояние старого духовенства. Однако идея преобразования мусульманской системы образования становилось все более популярной. Она основывалась не только на влиянии передовой общественной мысли мусульманского Востока, но и на объективном процессе социально-культурного развития общества, формирующего новые культурные потребности.

По инициативе прогрессивного крыла мусульманской интеллигенции в адыгских аулах стали создаваться новометодные медресе, ставшие отправной

точкой распространения новых идей. В 1911-1912 гг. на средства, собранные от "закята", без поддержки со стороны властей в ряде аулов Кубанской области были открыты новометодные мусульманские школы с преподаванием в них светских предметов[3]. Одна из лучших школ была в а. Адамий. Обучение в ней вели три преподавателя с университетским образованием (М. Набоков, А. Набоков, С. Натхо) и один со средним религиозным образованием (И. Юманкулов).

В это же время происходит становление мусульманского просветительского центра в Баксане, который стал, по словам З.Налоева, очагом новой культуры Кабарды[4]. Его становление было связано с открытием А.Дымовым при поддержке своего отца А.-Г.Дымова медресе с обучением на родном языке. Наряду с традиционными для медресе предметами в дымовском медресе преподавались арифметика и география. В 1913 г. к А. Дымову присоединяется вернувшийся на историческую родину активист черкесского просветительского движения Турции Н.Цагов. Совместно они возглавили религиозно-просветительское движение в Кабарде.

Следует отметить, что эволюционные процессы в развитии мусульманского образования инородцев стали предметом серьезной обеспокоенности царской администрации, которая видела в них угрозу российским государственным интересам[5]. Власти всячески пытались препятствовать уклонению медресе в сторону общеобразовательных предметов и созданию «под видом конфессиональных вероучительских школ, национальных мусульманских общеобразовательно-вероучительских учебных заведений»[5].

Создававшиеся в адыгских аулах новометодные медресе находились под бдительным контролем со стороны властей. Они полагали, что именно новометодные мусульманские школы заслуживают наибольшего внимания «как по числу учащихся, так и по популярности своей среди магометан»[6]. Поэтому власти регулярно собирали и обобщали сведения о них. В случае поступления данных о неблагонадежности той или иной школы или

отдельных преподавателей, настоятельно рекомендовалось подвергать их административному или уголовному преследованию[6].

Таким образом, царская администрация всячески пыталась препятствовать подъему религиозного и национально-культурного самосознания мусульманских народов, наметившемуся под влиянием движения за обновление духовной жизни и форм мусульманского образования, идейным вдохновителем которого являлось прогрессивное крыло мусульманской интеллигенции. Поэтому важно отметить, что деятельность духовной интеллигенции по прогрессивному развитию мусульманского образования адыгов не только не получала содействия стороны властей, но наоборот, осуществлялась в обстановке их активного противодействия.

Большая заслуга в развитии национального образования адыгов принадлежала активистам адыгской диаспоры, которые развернули просветительскую деятельность на исторической родине.

Из них были сформированы добровольческие группы для занятия преподавательских мест в создаваемых национальных школах. Одна из таких групп под руководством И. Хидзетля поселилась в адыгских аулах Кубанской области[7]. Данной группой при взаимодействии с местной мусульманской интеллигенцией в 1913 г. были созданы новометодные школы-медресе с преподаванием на родном языке[8].

Учитывая популярность мусульманского образования среди массы адыгского населения, естественной потребностью стала необходимость более глубокой профессиональной подготовки преподавателей мусульманских школ. Совершенное отсутствие у адыгов каких бы то ни было школ, подготавливающих духовных лиц, при громадном влиянии мусульманского духовенства на массы населения, по мнению национальной интеллигенции, делало чрезвычайно актуальной задачу основания духовной семинарии[9].

Данный вопрос стал предметом специального обсуждения на совещании духовенства и представителей мусульман Кубанской области, состоявшемся в г.Екатеринодаре в 1908 г. В результате его обсуждения мусульманская интеллигенция выступила перед начальником Кубанской области с

настоятельным просьбой об учреждении на средства казны мусульманской духовной семинарии для подготовки образованных мулл[9]. Не смотря на то, что в отзыве штаба Кавказского военного округа было отмечено, что начальник Кубанской области отнесся сочувственно к обращению совещания духовенства и представителей мусульман Кубанской области, никакого содействия в создании духовной семинарии власти так и не оказали.

Для интеллигенции становилось очевидным, что в развитии мусульманского образования адыги могут рассчитывать только на собственные силы. В этой связи решающее значение в решении проблемы играла инициатива национальной интеллигенции. Значительным событием в развитии мусульманского образования адыгов, расширявшим поле формирования национальной духовной интеллигенции стало основание Махмуд-хаджи Гуговым в Кушмазокине (ныне Баксане) медресе-али, которое «по назначению и структуре могло быть названо «учительской семинарией»». Оно давало своим сохтам среднее богословско-педагогическое образование[4].

Не смотря на противодействие властей в деле развития мусульманского образования адыгов усилиями прогрессивно настроенной духовной интеллигенции происходило превращение конфессионального образования в национальное, общедоступное и привлекательное. Важным результатом развития новометодного образования стало сокращение разрыва между светским и духовным образованием.

Мощный толчок расширению движения прогрессивного духовенства и дальнейшим преобразованиям мусульманской системы образования дали революционные события в России 1917 г. и связанная с ними либерализация общественно-политической жизни. Именно на это время приходится расцвет Баксанского просветительского центра, оказавшего большое влияние на развитие адыгского мусульманского просветительства. Открывшиеся перспективы развития национального образования сделали для мусульманской интеллигенции очевидной необходимость подготовки собственных кадров педагогов.

С этим намерением связано преобразование Баксанского медресе в учительскую семинарию. Здесь были сосредоточены высокообразованные специалисты, глубоко разбиравшиеся в нуждах адыгского культурного движения и являвшиеся его

настоящими энтузиастами – Н.Цагов, А.Дымов и А.Хапцев. Несомненным шагом вперед на пути формирования национальной системы образования стало стремление лидеров баксанского культурного движения превратить новометодные учебные заведения в образовательные учреждения, основанные на единых принципах обучения и имеющие одинаковое содержательное наполнение.

Своеобразным мусульманским образовательным центром в Кубанской области было Адамиевское новометодное медресе. Наряду с преподаванием истории ислама и Корана в нем имелся опыт преподавания светских дисциплин: географии, истории, арифметики, русского языка. Особое место занимал родной язык, что являлось свидетельством стремления сделать мусульманскую школу национальной не только по составу, но и по содержанию. Как и в Баксанской учительской семинарии здесь работали высокообразованные муллы, получившие фундаментальное образование в Каирском университете [10].

Баксанское культурное движение и Адамиевское новометодное медресе стали ярким проявлением эволюционных процессов в мусульманском образовании адыгов, связанных с ростом национального самосознания и формированием новых культурных потребностей. Происходила, что особенно важно, национализация мусульманского образования не только с точки зрения состава учащихся, но и за счет включения в программу светских дисциплин и внедрения новых прогрессивных методов обучения.

После установления советской власти на Северном Кавказе положение стало меняться. Прозвучавшее в «Обращении ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» заявление о том, что новая власть признает свободными и неприкосновенными верования, обычаи, национальные и культурные учреждения мусульманских народов стало основанием для активизации просветительской деятельности мусульманской интеллигенции. Происходило открытие новых духовных школ в аулах [11].

Однако очень скоро стало понятно, что подлинное содержание политики большевиков в отношении мусульманских учреждений вообще и школы в частности отражал Декрет СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» [12,13], запрещавший преподавание религиозных вероучений во всех

государственных и общественных, а так же частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы[13].

Из содержания данного документа вытекал не только запрет на преподавание основ религии в светской школе, но и, что гораздо важнее для развития мусульманского образования, накладывался запрет на преподавание общеобразовательных предметов в конфессиональных учебных заведениях. Первые декреты Советской власти демонстрировали ее намерение монополизировать сферу образования, вывести школы из ведения религиозных структур и вытеснить духовную интеллигенцию из сферы образования.

Новые условия функционирования мусульманских учебных заведений явно не способствовали развитию прогрессивных тенденций в мусульманском образовании, наметившегося накануне Октябрьской революции. На всем протяжении 20-х годов центр, концентрируя в своих руках силовые рычаги, предпринимал различного рода акции, подрывая организационную, кадровую и финансовую основу мусульманской системы образования [14]. Мусульманская школа в своем развитии, по сути дела, отбрасывалась назад в прошлое столетие.

Для массы мусульманского духовенства в новых политико-правовых условиях первостепенное значение приобретали уже не вопросы содержания мусульманского образования, а его существования как такового. Стремление вернуть утраченные позиции в сфере воспитания и обучения подрастающего поколения стало своеобразной реакцией на монополизацию духовной жизни со стороны советской власти. Для решения этой проблемы мусульманское духовенство пыталось использовать серьезные затруднения в деле создания советской трудовой школы, возникшие у новой власти. Учитывая сложность положения, многие представители мусульманской интеллигенции стали на путь поиска компромиссов. Идя на сотрудничество с властью, они рассчитывали на уступки в отношении функционирования духовного образования.

В этой связи, показательным является съезд мусульманского духовенства, прошедший в ауле Хатукай в 1922 г. Духовенство поддержало линию на «укрепление советской власти на местах» и призвало отдавать детей в возрасте от 7 до 18 лет в школы для обучения, что «явилось неким переломным моментом во взаимоотношениях родителей учащихся с новой властью» [14]. В то же время «для

высококонраваственного воспитания детей» делегаты съезда просили советские органы разрешить обучать детей в течение первых двух лет родному языку и Корану, а дальше по – программе светской школы. Специально был рассмотрен вопрос об открытии в Адыгее высшего духовного училища [14].

Реалии жизни заставляли мусульманскую интеллигенцию искать новые формы работы с населением. Муллы всячески пропагандировали мусульманские школы, привнося в них элементы нового быта, вплоть до решения о допуске девочек к обучению [15,16]. Советские органы власти расценивали подобные действия как попытку приспособиться к левым настроениям масс [15].

Пользуясь сокращением в годы голода (1922-23гг.) культурно-просветительных учреждений, мусульманское духовенство развернуло кампанию за обучение в религиозных школах. Необходимо отметить, что ввиду большой необходимости получения элементарных начальных знаний, а также из-за закрытия советских школ за недостатком средств, мусульманское население положительно воспринимало идею обучения в религиозной школе.

Приверженность исламским традициям и высокий авторитет мусульманского духовенства у адыгов вынудили советскую власть пойти на уступки в виде разрешения преподавания догматов ислама в мечети и разрешения муллам обучения исламу в советских школах (Хотя и неофициально). Правовое отражение данная позиция нашла в циркуляре ЦК РКП (б) от 5 мая 1924 г., котором предлагалось «не чинить препятствий групповому преподаванию вероучения в мечетях детям, окончившим школу 1 ступени» [17].

Конечно, это было «тактическое» отступление, в то время как генеральная линия новой власти оставалась неизменной. Идея «решительного наступления на религию» во второй половине 20-х гг. XX в. стала приобретать все более выраженный характер. В январе 1927 г. был подготовлен проект постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) «О мерах борьбы с мусульманским религиозным движением», в котором, в частности, предлагалось резко ограничить возможности обучения исламу и подготовки священников. В мае 1928 г. Политбюро ЦК ВКП(б) принимает решение о закрытии мусульманских религиозных школ, предложив оформить его постановлениями ЦИК республик [18].

В конце 20-х гг. были выработаны постановления, запрещающие любые формы организации религиозного образования. Власти приступают к вытеснению духовенства из сферы образования. Судьба мусульманского образования, как и мусульманской интеллигенции, была предрешена. Мусульманское образование, как таковое, прекратило свое существование в силу несовместимости с идеологическими и социальными установками новой власти, а духовенство подверглось массовым репрессиям.

Проведенный анализ позволяет говорить о том, что первая треть XX в. стала временем серьезных разнонаправленных процессов в развитии мусульманского образования адыгов, обусловивших коренную трансформацию национальной системы образования. Набиравшие с начала XX в. силу позитивные процессы в развитии мусульманского образования не получили логического завершения.

С установлением Советской власти на Северном Кавказе духовной интеллигенции пришлось осуществлять свою деятельность в обстановке противодействия властей. Новые условия функционирования мусульманских учебных заведений явно не способствовали развитию прогрессивных тенденций в мусульманском образовании, оформившихся накануне революции. Мусульманская система образования была отброшена в своем развитии на два десятилетия назад. В новых правовых условиях предметом внимания мусульманской интеллигенции уже были не вопросы содержания образования, а его сохранения. Не смотря на все усилия мусульманской интеллигенции противостоять антиклерикальной политике властей, мусульманская система образования, как и сама интеллигенция к началу 30-х гг. прекратили свое существование.

Литература

1. ЦГА КБР. Ф.И-6. Оп.1. Д.933. Л.9,18,22.
2. Кумыков Т.Х. Культура, общественно-политическая мысль и просвещение Кабарды во второй половине XIX-начале XX века. Нальчик, 1996.
3. Кудаев М. Эфенди-просветитель из Адамия М.Д. Набоков // Проблемы дошкольной, школьной и вузовской педагогики. Майкоп, 1997. Вып.2. С. 145-151.
4. Налоев З. Адаб баксанского культурного движения. Нальчик, 1991.
5. РГИА. Ф.733. Оп.227. Д.114. Л.20-23,169-187.

6. ЦДНИ КБР. Ф.25. Оп.1. Д.27. Л.67.
7. Фонды Национального музея Республики Адыгея. Дело И. Хидзетля.
8. Бузаров А.К. Из истории культурного развития адыгов начала XX века (по материалам рукописного наследия С.Х. Сиюхова) // Этюды по истории и культуре адыгов. Майкоп, 1998. С. 21-27.
9. Кабардей П. (Коцев П.) Духовно-религиозные нужды мусульман Терской и Кубанской областей // Новая Русь. СПб., 1910. №109.
10. Аульские просветители // Дружба. 1999. 26 окт. С.3.
11. Хутиев Х.И. Становление и развитие социалистической культуры советской Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1984.
12. Декреты Советской власти. 25 октября 1917 г. - 16 марта 1918 г. М., 1957. Т. I.- С.371-374.
13. ГУНАРА. Ф. р-8. Оп.1. Д.159. Л.49.
14. Мамсиров Х.Б. Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е годы XX века. Нальчик, 2004.
15. Революция и культура. 1929. №9-10. С.69.
16. ГАРФ. Ф.296. Оп.1. Д.322. Л.9.
17. РГАСПИ. Ф.17. Оп.68. Д.33. Л.1.
18. Миннуллин И.Р. Судьба мусульманского образования в советском Татарстане // Ислам в советском и постсоветском пространстве: история и методологические аспекты исследования: материалы Всерос. конф. Казань, 2004. С.149-163.